

В ПОИСКАХ РОДСТВА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛИТОВЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. 1820–1860-Е ГГ.¹

IN SEARCH OF THE KINSHIP: THE ORIGIN OF THE LITHUANIANS IN RUSSIAN POLITICAL AND HISTORICAL THOUGHT, 1820–1860S²

A. Komzolova

Summary. The article explores certain patterns in the way the Lithuanians and notions of their origin were represented in the Russian political and historical thought in the 1820–1860s. The article shows how Russian historical and philological narratives of the Lithuanians' origin were embedded in political debates of the time. The Russian history scholars, especially the Slavophiles, have sought to establish historical descent and cultural relationships among the Russians and the Lithuanians. They largely relied on perceived linguistic ties between the Slavs and the Lithuanians. Their efforts were seeking to highlight the significance of notions of Slavic-Lithuanian ethnic and cultural affinity for the definition of Russian identity and for the Russian self-understanding.

Keywords: Russian Empire, Northwest Provinces, Lithuanians, Slavophiles, national identity, ethnic and cultural affinity.

Комзолова Анна Альфредисовна

К.и.н., с.н.с., С.-Петербургский государственный университет; н.с., Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва)
amok.1863@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются определенные закономерности в том, как литовцы и концепции их происхождения были представлены в российской политической и исторической мысли в 1820–1860-х гг. Автор показывает, как российские историко-филологические нарративы о происхождении литовцев были включены в политические споры того времени. Российские историки, особенно славянофилы, стремились установить историческое происхождение и культурные связи между русскими и литовцами. Они в значительной степени опирались на восприятие языковых связей между славянами и литовцами. Их усилия были направлены на то, чтобы подчеркнуть значение понятий славяно-литовского этнокультурного родства для определения русской идентичности и русского самосознания.

Ключевые слова: Российская империя, северо-западные губернии, литовцы, славянофилы, национальная идентичность, этническая и культурная близость.

Представления о предполагаемом этническом родстве, выражаемые в политической идеологии, национальной мифологии, традициях, ритуалах и символах, являются важным фактором формирования национальной идентичности. Как отмечает Э. Смит, чувство родственной связанности лежит в основе сплоченности многих современных наций. «В этом смысле, — указывает он, — этническое сообщество напоминает расширенную семью или, скорее, “семью семей”, которая растянута во времени и пространстве и включает множество поколений и множество областей в рамках определенной территории» [15, с. 95]. Вместе с тем общие исторические воспоминания, ощущения культурной близости и идеи об общем происхождении оказывали влияние на объединение различных этнических общностей не только в рамках современных национальных

государств, но и внутри наднациональных политических форм, таких как империи.

Применительно к Российской империи широта охвата родственных связей этой воображаемой «семьи семей» — русского народа — в определенной мере задавала параметры самой «русскости». Категория «русскости» — как более или менее устойчивая комбинация свойств — была подвержена изменениям во времени таким образом, что ее смысл, в той мере, в какой он зависел от будущего или определялся будущим, был относительно недетерминирован. С какими этносами империи предположительно имелись родственные связи, в какой степени обнаруживалась этническая или культурная близость с ними — вот, в частности, те вопросы, ответы на которые формировали представления о русской идентичности. Британский

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

² This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

историк Д. Ливен, размышлявший об особенностях формирования русской национальной идентичности, о преемственности и противоречиях внутри этой идентичности между «русским» и «российским», имперским и советским, отмечал, что национальная идентичность в определенной мере вращается вокруг двух «полюсов» — политического и культурного. В случае политического «полюса» речь идет о государстве и его институтах, и, вероятно, прежде всего о вооруженных силах, в совокупности со всеми связанными с ними воспоминаниями, мифами и символами. В случае культурного «полюса» большее значение приобретают язык, народные обычаи, вера и духовные ценности. Разумеется, различия между этими двумя «полюсами» очень условны. Российская политическая идентичность традиционно ассоциировалась с правящей династией и государством, с институтами, с помощью которых осуществлялось управление, и с государственной территорией, над которой устанавливался суверенитет [18, р. 254].

«Несомненно, что славяне и литва составляли в древности один народ», — писал весной 1863 г. президент Императорской С.-Петербургской академии наук, председатель Государственного совета и Комитета министров граф Д. Н. Блудов [11, л. 1 об.]. Ранее, еще в период первого польского восстания 1830 г., Блудов, в то время управляющий Министерством юстиции, также высказывался о родстве литовцев и славян. Характеризуя западные губернии и местное население, он отмечал в одной из всеподданнейших записок: «Сии провинции, кроме собственно Литвы, издревле принадлежали России. Коренные жители их суть русские ...». Сами литовцы происходят от славянского племени, которое было ближе к русскому, нежели к польскому» [14, л. 8].

Представления о культурной и этнической близости литовцев и славян, об их общем примордиальном прошлом, нашедшие свое выражение, в частности, в высказываниях такого крупного сановника, как Д. Н. Блудов, появились не на «пустом месте». В значительной мере они были результатом развития научной мысли и заимствований общеевропейских интеллектуальных трендов того времени. Одним из таких трендов было увлечение сравнительно-исторической лингвистикой. Заметный импульс к изучению этногенеза славянских народов придала публикация в 1830-х гг. трудов немецкого филолога Ф. Боппа, показавшего, что славянские языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, куда входят также индоиранские, германские, балтские, армянский, кельтский и другие языки, в том числе и исчезнувшие.

Одним из первых российских ученых, обратившихся к изучению литовцев, был статистик и этнограф, впоследствии академик С.-Петербургской академии наук П. И. Кёппен. В 1827 г. он опубликовал специальную работу, посвя-

щенную языку, литературе и происхождению «племен», обитавших вокруг побережья Балтийского моря, которые он обобщенно называл «литовским народом» [8, стб. 3, 24–25, 32–35]. Позднее, в начале 1850-х гг., Кёппен выпустил в свет первую в России карту этнического состава европейской части страны по состоянию на 1834 г., а также погубернские данные о народах Российской империи, включая и сведения о населении Северо-Западного края [9, с. 14, 17, 35–37]. Он подробно разбирал научные труды немецких (немецкоязычных) и польских ученых, в которых выдвигались различные гипотезы о происхождении литовцев, включая сочинения А. Шлёцера, Р. Раска, Х. Мильке, Ф. П. Аделунга, К. Ватсона, Кс. Богуша, С. Линде, И. Лелевеля и др. Кёппен отвергал родство литовцев с финскими этносами и считал их «народом самобытным» [8, стб. 17]. Согласно его подсчетам, численность всего «литовского народа», включая латышей и собственно литовцев, проживавших в Курляндской, Лифляндской, Виленской губерниях и Восточной Пруссии, в на тот момент не превышала два миллиона человек [8, стб. 12].

Как отмечал Кёппен, о происхождении литовцев более или менее достоверно возможно было судить лишь на основании данных языкознания. Он сам разделял мнение о славянском происхождении литовцев. Вывод о близком родстве литовцев и славян вытекал из тех предположений о массовых переселениях народов в древности, которые в то время обсуждались научным сообществом, и в данном случае Кёппен ссылаясь на авторитет немцев [8, стб. 19–23]. «Весьма правдоподобно, и почти несомненно, — полагал он, — что язык литовский происходит от словенского, и что литовцы суть одно из племен словенских, в незапамятные для историков времена слившееся с народами готского племени, уже более или менее смешанного с финнами и соплеменными им эстами, первыми известными нам обитателями Балтийских, а отчасти и Литовских губерний» [8, стб. 19]. Причем помимо этнических литовцев автор выделял также других «литовцев» — так называемых «литовско-русских» или «литвино-русов», предками которых были древние кривичи. Последних он относил к восточным славянам, называя их также «белорусцами». Территорию проживания кривичей — «древнюю область Кривскую», которая включала земли «между вершинами Волги, Двины и Днепра», он ассоциировал с «нынешней Белоруссией» [8, стб. 9–10, 40]. Поясняя терминологию, Кёппен писал о кривичах: «Это были словене, или, как мы ныне говорим, русские, и именно предки литовско-русских, тех самых, для коих доктор Фр. Скорина в начале XVI века стал издавать духовные книги и переложенное на их язык Св. Писание. Их и теперь еще малороссияне именуют литовцами; название, которое давалось им иногда как в рукописях, так и в печатных книгах» [8, стб. 10, 11]. Следуя за Н. М. Карамзиным, Кёппен выделил в XIV в., этом «веке литовского величия», все важные вехи территориального расширения Литвы за счет владений

русских князей. Он также полагал, что «смелая мысль», родившаяся из острого соперничества между великим князем Московским и Литвой на рубеже XV–XVI вв., и которая предполагала «присоединение» Литвы к России, была осуществлена уже российскими императорами три века спустя [8, стб. 39–50].

В своей работе о «литовском народе» Кёппен широко использовал и комментировал сочинения курляндского немца пастора К. Ватсона. В 1842 г. в журнале «Сын Отечества» был опубликован перевод более ранней статьи Ватсона. Литовский язык он относил к общей группе «латышского языка» (в отличие от Кёппена, который общую языковую группу именовал «литовской»). В эту группу Ватсон включал также языки собственно латышей, пруссов, ятвягов и куров, а также языки более мифических «других вендских племен», а конкретно «первых завоевателей Рима» герулов [3, с. 50]. По мнению Ватсона, эта общая «латышская» группа, несмотря на свое древнее происхождение, не представляла собой «первобытного» населения Балтийского побережья, появилась там в результате переселений народов, а с лингвистической точки зрения являлась переходной формой «от славян к германцам». При этом, как подчеркивал Ватсон, «латышский язык более всего сродствен со славянскими, и именно с русским» [3, с. 41].

К «латышским народам» Ватсон также причислял белорусов («кривичей»), которых он географически размещал на границах историко-лингвистической области Семгалии, «в бывшей польской Лифляндии», — а именно в Витебской, Смоленской, в большей части Минской и Могилевской губерниях [3, с. 51–53, 55]. «Я, со своей стороны, — отмечал Ватсон, — наблюдая кривичей в Риге, куда они приезжают с обозами льна и пеньки, из Витебска, Минска, Смоленска, считаю их за переходный народ от руссов к латышам; язык их перемешан с латышским, русским и польским» [3, с. 51–52]. Обосновывая объединение белорусов и литовцев в одну родственную группу, Ватсон ссылаясь также на их исторический опыт совместного проживания: во-первых, «их должно причислить к латышам и потому также, что они, еще до прибытия Ордена [крестоносцев], жили между латышами», а во-вторых, «...они, слишком пятьсот лет, до 1772 и 1793 годов, принадлежали к одному из латышских народов, именно литовскому» [3, с. 52].

Отмечая родство славянских и балтийских этносов, Ватсон подчеркивал, что становление литовцев происходило в условиях массовых переселений, смешений и войн, в результате продолжительного генезиса. «Я уверен, — писал он, — что места около Азовского моря были первобытною родиною латышей, откуда вытеснили их сперва азиатцы, может быть хазары, за Днепр, а после сарматы и другие славяне, еще далее на северо-запад. Снача-

ла были они чистыми славянами, а латышскую народную особенность получили только тогда, когда перемешались с готами» [3, с. 56]. В другом месте Ватсон также указывал на сложные «превращения» славян и литовцев: «Латыши прежде были также славянами, а ятвяги, с переменою их места жительства, имели одну участь с прочими славянами, т.е. они сделались латышами» [3, с. 53]. Окончательно формирование литовцев как отдельного народа произошло уже после объединения Литвы и Польши, поскольку «оба народа слились вместе», хотя «поляки остались господствующим [народом]» [3, с. 57].

Большое влияние на развитие представлений о примордиальных связях между славянами и литовцами оказали исследования чешского ученого П.И. Шафарика о славянских древностях. В 1843 г. в Москве была издана составленная Шафариком лингвистическая карта распространения славян «среди прочих народов индоевропейского и северного поколений» с его комментарием. На этой карте чешский славист обозначил также границы расселения литовцев и латышей. По его словам, литовский народ был «самым близким к славянам по своему происхождению, языку и свойствам». Однако литовцы и латыши имели «бедную письменность, мало обрабатываемую даже в новейшее время» [17, с. 105, 107].

На авторитет Шафарика ссылался, например, С.М. Соловьев, который на рубеже 1840–1850-х гг. опубликовал серию статей в журнале «Отечественные записки». Не касаясь подробностей происхождения литовцев, Соловьев, в то время еще молодой ученый, тем не менее, отмечал важность вопроса о родстве литовцев и славян. «Шафарик, — указывал он, — полагает, что народы литовский и славянский в предъисторическое время были двумя отраслями одного племени, но в историческую эпоху, вследствие внешних обстоятельств, так между собою разделились, что теперь мы должны принимать их за два племени различные, хотя между всеми индоевропейскими племенами самые родственные». Однако, по мнению Соловьева, это предположение требовало определенной корректировки. «Нам кажется, — писал он, — что в предъисторическое время народы славянский и литовский принадлежали двум различным племенам, но в историческую эпоху так между собою сблизилась, что из всех индоевропейских племен являются самыми родственными. Мы основываем свое мнение на том, что в предъисторическом времени ничего не известно, а в историческую эпоху видим не разрозненность двух народов, а, напротив, тесное сближение» [16, с. 3].

В начале 1860-х гг., прежде всего под влиянием польского восстания 1863 г., охватившего западные окраины Российской империи, в фокусе повышенного внимания и бюрократии, и общественного мнения оказались представления о населении, языках и культурах Литвы

и Белоруссии. При этом актуальное политическое значение приобрели даже те вопросы, которые ранее привлекали внимание только научного сообщества, как это, в частности, произошло с историко-филологическими исследованиями происхождения литовцев и их связей со славянскими народами. В этой связи весьма показательно, что в апреле 1863 г. Д. Н. Блудов в качестве главы С.-Петербургской академии наук обратился к министру народного просвещения А. В. Головнину с предложением финансировать за счет российского правительства исследования и публикации в области сравнительной лингвистики профессора Йенского университета А. Шлейхера [11, л. 1–4; подробнее о взглядах Шлейхера см.: 2, с. 35–44]. В отношении Блудова к Головнину подчеркивалась важность сравнительно-лингвистических исследований для реконструкции древней славяно-литовской общности: «Наука славянских древностей, благодаря усилиям Шафарика и других, уже получила значительное развитие, но за всем тем она еще далеко отстала от того, что сделано по этой части для других отраслей индоевропейского семейства. Главною тому причиною было то, что важнейшая задача, которая должна предшествовать ученой обработке славянской первобытной истории, еще остается неразрешенною. Эта задача состоит прежде всего в глубоком, основанном на началах новейшего языковедения, исследовании славянских языков и сличении их между собою; а потом в точнейшем изучении литовских языков и сравнении их со славянскими. Так как несомненно, что славяне и литва составляли в древности один народ и литовские языки поднесь сохранили в себе многое, что утратилось в славянских языках, то изучение литовских наречий должно прояснить не только состояние языка в то время, когда славянские и литовские племена еще не были разъединены, но и состояние, и древнейшие судьбы народа» [11, л. 1–1 об.].

Почти в одно время с этим в кругах высшей бюрократии была подготовлена записка, в которой также обсуждалась проблема единства народов, проживавших в Западном крае. В феврале 1862 г. А. П. Заблоцкий-Десятовский, видный представитель либеральной бюрократии, подал императору Александру II через государственного секретаря В. П. Буткова специальную записку о Западном крае, с которой были предварительно ознакомлены Д. Н. Блудов и военный министр Д. А. Милютин [12, л. 1–41 об.]. Как предполагает литовский исследователь Д. Сталюнас, эта всеподданнейшая записка стала результатом коллективных усилий группы единомышленников среди высшей бюрократии, которые, возможно, привлекли к ее составлению также представителей академических кругов, прежде всего филолога-слависта А. Ф. Гильфердинга [19, р. 362, 370].

Записку Заблоцкого-Десятовского можно определить как своего рода краткий план по переориентации прави-

тельственной политики в Западном крае, составленный в определенной мере в предвосхищении событий польского восстания 1863–1864 гг. Конкретные предложения этого плана, подразумевавшие постепенное развитие литовского и белорусского образования и «высокой» культуры, по большей части не были осуществлены. Однако автор (или авторы) записки в целом предугадали, так сказать, принципиальный «разворот» политики от задачи безоговорочной инкорпорации польской элиты к тому, чтобы в этом пограничном регионе попытаться сделать местное белорусское и литовское крестьянство «естественной точкой опоры» для российских институтов.

Записка содержала отдельную характеристику литовцев, жителей Ковенской и Виленской губерний, и их положения между «ключевыми игроками» данного региона — русскими и поляками. Литовцы — это «племя одинаково чуждое и русским, и полякам, племя совершенно самобытное по языку, характеру и обычаям». Вместе с тем общее историческое прошлое литовцев и поляков могло быть для последних не только «плюсом», а скорее даже «минусом», поскольку литовское «племя» хотя, с одной стороны, «притягивается к полякам единством религии, однако с другой, чуждается их как панов, которые в течение столетий их угнетали и с величайшим презрением относились к их народности». Между литовцами и русскими, напротив, не стояло какое-либо «мрачное» прошлое. По словам записки, «против русских эти литвины (жмудины) в собственном смысле не питают народной вражды и смотрят на русское правительство как на защитника от произвола польской шляхты, событие 19 февраля [1861 г.] привлекло к нам живейшее сочувствие литвинов» [12, л. 5 об.— 6 об.].

Обращение автора записки к истории бывшего Польско-Литовского государства призвано было продемонстрировать отсутствие реальной угрозы сепаратизма со стороны литовцев и других местных этносов даже в том случае, если какие-либо препятствия к их культурному росту будут устранены, и российское правительство предоставит им возможность «развивать беспрепятственно свои врожденные стихии». Отсутствие такой опасности обуславливалось тем, что ни один из местных народов не имел «залогов самобытного государственного существования» даже в периоды их политической независимости [12, л. 29 об., 32]. «Если бы даже история,— полагал Заблоцкий-Десятовский,— не служила ручательством в невозможности таких стремлений, если бы даже все идеи нашего века не являли повсеместного в Европе развития начала совершенно противоположного [сепаратизму], то есть стремления однородных народностей соединяться в одно политическое тело,— то самое простое рассуждение должно бы удостоверить всякого в невозможности сепаратизма на почве западно-русской. <...> В случае же отдельного существования Польши воз-

можно ли мысль о независимой Литве или Малороссии, поставленной между Польшей и Россией?» [12, л. 30–30 об.]. Таким образом, в данном случае вопрос о конструировании национальной общности, о взаимосвязях между литовским народом и Русским государством был представлен уже не в историко-культурном ракурсе, а с точки зрения актуальных задач, нацеленных на создание единого «политического тела» и сохранение целостности Российской империи.

Пожалуй, наибольшее развитие идеи культурной и даже этнической близости между русскими и литовцами получили в исторических произведениях славянофилов. Можно выделить, например, труды профессора Московского университета И.Д. Беляева, посвященные истории Северо-Западного края. Согласно его оригинальной концепции, политическим центром будущей «Западной России» был не домонгольский Киев, а Полоцкое княжество, постепенно колонизировавшее литовские земли. Беляев изображал литовцев как своеобразных «благородных дикарей», остававшихся в своих дремучих лесах «чистыми» и открытыми для русской цивилизации. Московский историк представил подробную характеристику того, каким образом постепенно возникал культурно-политический симбиоз между населением Полоцкого княжества и «дикими» литовцами. Так, полочане привлекали к себе «не силою», а с помощью торговли и земледелия, развивая в литовцах «новые потребности и новые удобства жизни». В «дикую лесную жизнь» литовцев они постепенно «вносили русскую цивилизацию, отучили их от жизни дикарей и понемногу обращали их в русских людей, во всем равняли их с собою,— взамен чего и литвины смотрели на них, как на своих» [1, с. 12, 13]. Особое внимание автор уделял процессу приобщения литовцев к более «высокой» для них русской культуре и, в конечном итоге, процессу русско-литовской ассимиляции. По его словам, литовцы, «видя превосходство обычаев и внутреннего устройства полочан, незаметно усваивали их себе, и тем теснее соединялись с полочанами, роднились с ними и как бы русели по мере того, как больше распространялись между ними полотские колонии. Так что южные литвины, жившие на левом берегу Немана и на юг от Вилии, решительно мало по малу обратились в русских, и более чистый тип литовской жизни и обычаев сохранился только на север от Вилии, где полотская колонизация, по отдаленности края, была еще слаба» [1, с. 15–16]. В итоге, согласно оценке Беляева, взаимосвязи между древнерусским княжеством и литовцами, первоначально установившиеся из-за политической необходимости, со временем переросли в узы родства.

Бликий к кругу славянофилов А.Ф. Гильфердинг стремился привлечь внимание русского «образованного общества» к Западному краю в целом и литовскому населению в частности. В отношении поляков он разра-

ботал, по выражению польского исследователя Х. Глембоцкого, программу «реславизации», предполагавшую возрождение скрытой в польских крестьянах славянской идентичности [6, с. 144–146]. Одновременно в своих сочинениях ученый и публицист развивал идеи о близости между славянскими и балтскими этносами. Так, в начале февраля 1864 г. Гильфердинг опубликовал в еженедельном прибавлении к газете «Русский инвалид» статью, посвященную Литве и литовцам, которая затем также была перепечатана в газете «День» [7, с. 9–15; 5, с. 106–127]. В этой статье, озаглавленной «Несколько замечаний о литовском и жмудском племени», автор подчеркивал научную значимость изучения литовского языка, а также этнографических исследований быта и верований литовцев. Гильфердинг выступал за то, чтобы начальное образование для литовских крестьян преподавалось на их родном языке, а в российских университетах были открыты кафедры литовского языка [5, с. 107, 108, 110–112, 121, 123, 124]. По его мнению, для литовцев, благодаря реформам и увеличивавшемуся воздействию российского образования, был открыт путь «к внутреннему единению с Русским миром» [5, с. 125].

В центр всей своей аргументации Гильфердинг поместил вопрос об исторической связи, которая существовала между литовским народом, Русским государством и «Русским миром». С одной стороны, литовцы для русских (как и для прусских немцев), согласно Гильфердингу, представляли собой «племя чужое», «совершенно отдельное инородческое»; они были «не частной ветвью господствующего народа», а тем народом, который вовсе не понимал «общего языка страны»; и в целом литовское население было «нам чуждо по происхождению, языку и быту» [5, с. 120, 123]. С другой стороны, литовцы — это «народ, который некогда был уже почти приобретен для православной церкви» [5, с. 118]. Более того, мы, русские, по его словам, «признаем прошедшее Литвы своим историческим достоянием», «признаем себя наследниками деятельности Ольгерда и Витовта» [5, с. 127].

Как ученый-славист и филолог, Гильфердинг искал в ранней истории индоевропейских языков те «ключи», которые раскрывали бы древние, а потому уже совершенно забытые родственные связи между соседними этносами, долгое время совместно проживавшими на землях доисторической и исторической Литвы. Он подчеркивал уникальную древность литовского языка, его близость к «своему первоначальному доисторическому типу». «Нынешняя речь литовского крестьянина во многом более первообразна, чем язык древнейшего памятника Европы, чем язык Гомера», — полагал ученый [5, с. 109]. Такая древность делала литовский язык ценнейшим «ресурсом» и для исследования славянского прошлого. «Для нас же, и вообще для всего славянского ученого мира, — отмечал Гильфердинг, — литовский язык особенно важен еще

потому, что он состоит в ближайшей связи со славянской речью. Было время, когда славянское племя составляло с литовским одно целое в Европе, уже после того, как это общее славяно-литовское племя отделилось от германского, греческого, ирландского...» [5, с. 109]. Обращение к общей истории славянских и балтийских языков давало ему основания для того, чтобы в исторической перспективе соединить уже не только языки, но и народы.

Идея общего литовско-русского наследия, определявшаяся Гильфердингом с точки зрения сравнительной филологии, подкреплялась им и на основе концепции преемственности в государственности и культуре Киевской Руси, Великого княжества Литовского, а затем и Российской империи. Вот как он описывал общее прошлое литовцев и русских: «Древнейшие связи литовского народа были с русскими, через Русский мир проникли к нему первые начала гражданственности, первые лучи христианства. Литовский народ лнул так сказать к Русскому миру. Даже в то время, когда он господствовал над обширными Русскими областями, он не только не утеснял русской народности, а напротив, охотно себе ее усвоивал, давал русскому языку права языка официального в своей собственной стране» [5, с. 112]. Называя причины разрыва или даже разрушения такой «древней связи» между литовцами и русскими, которая, по его мысли, следовала «из самой природы вещей, из самого положения Литовского края», Гильфердинг не был оригинален. Он усматривал их в польско-католическом влиянии: «Распространенная Польшею между литвинами католическая религия стала между литовским народом и народом русским; распространенное Польшею в Литовском крае шляхетство заслонило литовский народ от русского правительства даже тогда, когда край этот вновь вошел в состав Русского государства. Таким образом, произошло это долгое отчуждение наше от литовского народа,— это печальное наше к нему невнимание» [5, с. 112]. Соответственно, по мнению Гильфердинга, актуальной задачей государственного масштаба, стоявшей на тот момент перед российскими чиновниками и интеллектуалами, была проблема преодоления этого исторически сложившегося «отчуждения» между литовцами и русскими.

Взгляды, высказанные в публикации Гильфердинга, вызвали резкий отпор в той части прессы, которая выражала интересы антилиберально и антиреформаторски настроенного дворянства. На страницах газеты «Весть», этого рупора консерваторов, последовательно защищавшего интересы крупного польского землевладения в западных губерниях, появилась отповедь на статью Гильфердинга. Автор анонимной статьи «Неудачный проект русской пропаганды в Западном крае», подразумевавший под таким «проектом» предложения Гильфердинга, перевел вопрос об отношении к литовцам из области историко-филологических изысканий исключительно

в сферу политических интересов. Он не только поставил под сомнение целесообразность какой-либо особой «покровительственной» правительственной политики в отношении литовцев, но и отвергал все доводы о какой-либо уникальности литовцев, как родственного восточным славянам народа [4, с. 7–9]. «Создавать же особые привилегии для того или другого племени, на основании каких-то загадочных, филологических и археологических выкладок, есть мысль чрезвычайно странная, чтоб не сказать безрассудная. Применение этой мысли на деле возбудит социальную вражду между низшими и высшими классами Литовского края, и ни в каком случае не поведет к окончательному успокоению революционных элементов»,— заключал публицист «Вести» [4, с. 9].

Позиция газеты «Весть», хотя и высказанная в резкой форме, в целом, видимо, отражала также мнение, которое преобладало среди высшей бюрократии. Различные концепции, принимавшие во внимание идеи о русско-литовских культурных и исторических связях и предполагавшие развитие местного народного образования, вызывали отторжение у тех сановников, кто мыслил в более традиционных категориях российской политической идентичности. Например, консервативный взгляд на северо-западные губернии, в рамках которого акцент делался на административной интеграции региона, а не этнической территориальности, выражал в середине 1850-х гг. виленский генерал-губернатор И. Г. Бибииков. Этот подход был сформулирован в контексте продолжительной дискуссии в бюрократических «верхах» о том, следует ли ввести раздельное обучение литовцев и поляков в учебных заведениях Виленского учебного округа. Бибииков отверг это предложение, выступив против какого-либо целенаправленного взращивания национальных идей у литовских крестьян. «Распоряжения правительства в областях, присоединенных от Польши,— писал он министру внутренних дел 29 января 1854 г.,— клонятся, прежде всего, к уничтожению следов польского быта в сих областях и к водворению в оных русских начал и чрез то самое к слиянию сих областей, по духу и образованию жителей, с коренной Россией <...>; по сему всякая мера, указывающая в Западном крае на разделение жителей по племенам, едва ли будет соответствовать упомянутым выше целям правительства, так как край сей, находясь под державою Русского Государя, должен без всяких племенных различий сродняться с Россией» [10, л. 89–89 об.].

Спустя десятилетие А. Л. Потапов, занимавший пост виленского генерал-губернатора в 1868–1874 гг., продолжал отстаивать «русское» (в противовес «русскому») измерение внутренней политики, обуславливавшее сохранение наднациональной сословной «вертикали» как институциональной основы империи. В 1865 г. он выражал сомнения в необходимости для России прикладывать усилия ради развития собственной «высокой культуры»

у литовских крестьян. Хотя Потапов и называл этот край «Литовской Русью», однако вопрос о какой-либо близости литовцев и русских его едва ли интересовал. Он считал, что возможности российского правительства в этом крае были достаточно ограничены, и оно не могло использовать опыт Пруссии, включавший «покровительственную огерманизацию» бывших польских земель. По его мнению, Пруссии в отношении своих польских подданных удалось «стушевать до малейших признаков прежнюю национальность», однако этого не могло получиться у России [14, л. 12 об.]. Кроме того, российское правительство не могло привлечь литовское крестьянство для борьбы с «польской пропагандой», по крайней мере, в той форме, в какой это делала Австрия в Галиции. «Австрия,— полагал Потапов,— смогла обеспечить успех своего дела, возвысив национальность и литературу русинов до национальности и культуры польской. В Северо-Западном крае, хотя и есть национальность литовско-жмудская, довольно самостоятельная, но, не имея своей азбуки и тем более литературы, возвысить ее до поляков немыслимо. Этим превосходством последних над первыми объясняется отчасти их преобладание, несмотря на числительное меньшинство» [14, л. 13–13 об.].

Таким образом, рассматривая вопрос о том, как воспринимались литовцы представителями высшей бюрократии и русского «образованного общества», и как на это восприятие влияли представления о русской идентичности, неверно было бы говорить о каком-либо едином подходе, скорее можно выделить различные дискурсивные варианты, выражавшие целую палитру «оттенков» от политического «полюса» идентичности к культурному. В рамках имперских представлений большинства правящей элиты, культивировавших традиционную российскую политическую идентичность, идеи близости с русским народом различных этносов, проживавших на окраинах империи, и, в частности, литовцев, не представлялись перспективными. Или, напротив, эти идеи воспринимались как вредные и опасные, поскольку потенциально могли подрывать легитимность существовавших сословных институтов и имущественных прав местного нерусского дворянства. С другой стороны, для славянофилов представления об исторической или даже этнической близости литовцев и славян, основанные преимущественно на языковых связях, в той или иной мере формировали образ воображаемой нации и становились составной частью русского самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев И. Д. Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна: Типография А. Сыркина, 1867. 121 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Август Шлейхер // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 1. С. 35–44.
- Ватсон К. Латыши или летты / пер. с нем. Д. И. Языкова // Сын Отечества. 1842. № 1. Отд. V: Науки и искусства. С. 40–58.
- Весть. 1864. № 6 (9 февраля).
- Гильфердинг А. Ф. Несколько замечаний о литовском и жмудском племени // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. С. Шолкович. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1885. Вып. 1. С. 106–127.
- Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 135–166.
- День. 1864. № 8 (22 февраля).
- Кёппен П. И. О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб.: Типография Карла Крайя, 1827. 106 с.
- Кёппен П. И. Об этнографической карте Европейской России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1852. 40 с.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1224.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 142. Д. 35.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 248.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5423.
- Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. М.: Праксис, 2004. 464 с.
- Соловьев С. М. Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу // Отечественные записки. 1848. Т. 61. № 11. С. 1–34.
- Шафарик П. И. Славянское народописание (с картою) / пер. с чешск. О. М. Бодянского. М.: Университетская типография, 1843. VII, 74 с.
- Lieven D. Russian, Imperial and Soviet Identities // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1998. Vol. 8. P. 253–269.
- Staliūnas D. Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in mid-19th Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. Neue Folge. Bd. 55. H. 3. P. 357–373.

© Комзолова Анна Альфредисовна (amok.1863@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»